2.5. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УРБАНИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ЗА 100 ЛЕТ

Основные этапы и результаты урбанизации

ыстрая урбанизация XX века на территории современной Европейской России (в составе сначала Российской империи, а затем СССР) затронула в большей или меньшей степени каждый из регионов. Конечно, она не был равномерной, на ее ход во времени и в пространстве влияли различные демографические, экономические и политические факторы.

Можно выделить следующие основные этапы этого процесса:

- 1. В конце XIX начале XX вв. сельское население превышало городское. В 1897 г. численность горожан и селян соотносились как 12 и 88%, а в 1926 г. как 18 и 82%. Урбанизационные тенденции набирали темп, но Первая мировая и Гражданская войны не дали им проявиться в полной мере.
- 2. Во второй половине 1920-х начале 1930-х гг. начался резкий рост как абсолютной численности, так и доли городского населения (в 1939 г. последняя составила уже 34%). Основной причиной явилась проводимая в то время политика форсированной индустриализации, вызвавшая значительный приток мигрантов в города.
- 3. В военное время рост городского населения замедлился, но его доля продолжала увеличиваться быстрыми темпами за счет убыли сельского. Такая динамика сохранялась и в первые пять лет после войны. До 1951 г. число сельских жителей падало быстрее, чем росло в городах, что привело к снижению общей численности населения Европейской России.
- 4. В начале 1950-х гг. убыль сельского населения уменьшилась, и демографический баланс населения страны вновь стал положительным. Процент городского населения продолжал расти, но темпы этого роста уменьшились: до середины 1950-х годов они составляли примерно 1% в год, а затем 0,3–0,5%.
- 5. В 1958 г. в России и в ее европейской части был зафиксирован так называемый *урбанизационный переход*¹ доля городского населения перешагнула через порог в 50%; в Советском Союзе в целом это произошло спустя три года. Приблизительно с то-

¹ Строго говоря, общепринятого термина для его обозначения не существует. Обычно просто говорится о «переходе значения доли городского населения через отметку 50%». Для удобства позволим себе пользоваться термином «урбанизационный переход» (без прямой аналогии с демографическим).

го же времени темпы прироста данного параметра вновь вернулись на прежний уровень — 1% в год. В дальнейшем (1960–80-е гг.) наблюдался плавный, близкий к линейному рост численности и доли городского населения — примерно на 1–1,5% ежегодно. Некая «осечка» произошла в 1972 г., когда доля городского населения впервые за послевоенный период сократилась по сравнению с предыдущим годом. Однако это незначительное (на 0,5%) снижение оказалось разовым и на общий тренд не повлияло.

- 6. В течение 1980-х годов рост доли горожан продолжался, но его темпы в очередной раз снизились до 0,5% в год. По аналогичному сценарию росла и абсолютная численность.
- 7. С начала 1990-х гг. число горожан стабилизировалось и менялось уже мало. Лишь в конце периода обнаружилась слабая тенденция к снижению этого параметра. Остановился и рост доли городского населения: в 1993 году она достигла 73,6% и к 1999 г. практически осталась неизменной (73,5%).

Тренды изменения доли городского населения в отдельных регионах, разумеется, не всегда совпадали со средним, хотя общая канва — быстрый рост, его замедление, стагнация — сохранялась почти везде. Различия носили количественный характер и касались времени начала урбанизации, ее темпов и уровней, достигнутых на разных этапах. Эти параметры взаимосвязаны. Как отмечает Ж. А. Зайончковская (1999), с конца 1930-х гг. в стране обычно имела место четкая обратная зависимость между достигнутым уровнем урбанизации и ее темпами: чем ниже доля городского населения, тем быстрее ее прирост, и наоборот. Урбанизация замедлялась с приближением к пределу, к стадии некоего насыщения. Но значит ли это, что она стирала различия между регионами, что ее аутсайдеры, повторяя путь лидеров с ускорением, приближались к лидерам?

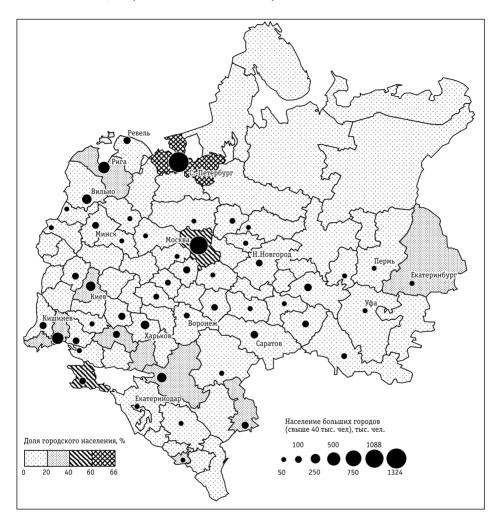
Прежде всего отметим, что понятие уровня урбанизации, или урбанизированности, многогранно и часто трактуется по-разному. Для его оценки предлагались комплексные показатели, учитывающие такие параметры, как доля горожан, доля крупных городов в структуре поселений, людность этих центров, площадь региона и т. д. Их набор и сочетание зависит от расчетных методик, различающих «урбанизированность населения» и «урбанизированность территории» (Полян, 1980). Бытует и упрощенное, узкое толкование урбанизированности как синонима доли городского населения. У него свои минусы, но как первое приближение оно тоже приемлемо и в этом качестве используется в этой главе.

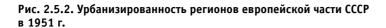
Общее представление о вековых сдвигах в урбанизированности европейских регионов Российской империи, СССР и его наследников дают карты (рис. 2.5.1–2.5.3)², на которых показаны доля горожан и население больших городов в 1897, 1951 и 1997 гг. К городам конца XIX века добавлены «истинные» города В. П. Семенова-Тян-Шанского с иным статусом³, что делает городское население более сопоставимым с данными на другие даты, включающими жителей поселков городского типа. Нижний порог для больших городов принят не постоянным, а переменным, привязанным к среднему размеру городов

² Автор карт А. И. Трейвиш.

³ См. главы 2.1-2.3.

Рис. 2.5.1. Урбанизированность регионов европейской части Российской империи (без Польши и Финляндии) в 1897 г.

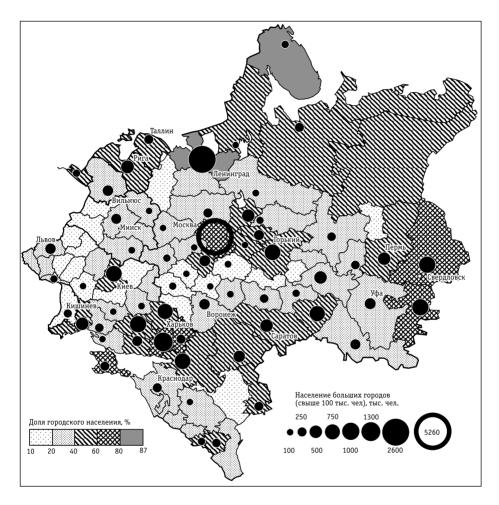
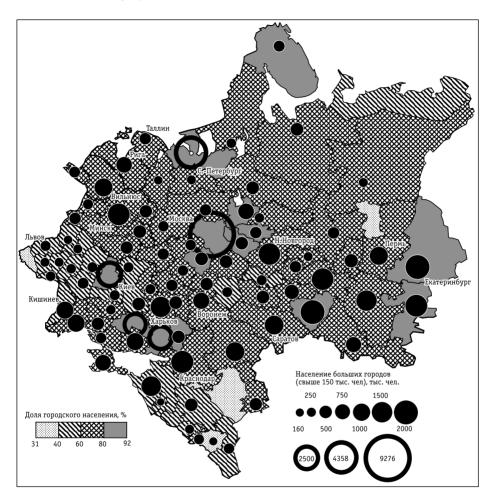

Рис. 2.5.3. Урбанизированность регионов европейской части России и постсоветских государств в 1997 г.

страны⁴. Регионы — республики, области, края и др. — имеют современные границы, за исключением Чечено-Ингушетии, взятой в ее прежнем единстве; столичные Ленинградский, Московский, Минский и Киевский регионы объединены с их центрами.

В 1897 г. по доле горожан (около $^2/_3$) и населению больших городов резко выделялся столичный Петербургский регион. Следом за ним шел, конечно, Московский со вторым и последним в империи городом-миллионером. Имея немногим меньше горожан, он все же сильно уступал первому по урбанизированности (47–48%). Вокруг простирался обширный пояс с ее весьма низкими значениями; в 27 регионах из 86 доля городских жителей не достигала и 10%. На этом фоне выделялись некоторые окраины: западные (будущая Латвия и Киевский регион), восточные (Свердловская область) и южная полоса Новороссии, где не очень давняя урбанизация сразу создала такие значительные города, как Одесса и Ростов-на-Дону. В примыкающей к этой полосе Харьковской области (как, кстати говоря, в Ивановской и в Эстонии) доля горожан подходила к рубежу в 20%, а в Крыму превысила 40%, и он был третьим регионом по этому признаку.

В середине века первым по численности горожан и жителей больших городов стал Московский регион; к нему примкнул ряд старопромышленных областей, становивших-ся городскими. Однако по доле городского населения лидировали Ленинградская и Мурманская области (85–87%). Возникла новая северная зона урбанизации с высокими удельными, но весьма скромными абсолютными параметрами. Расширялись другие очаги, особенно Уральский и Донецкий; между ними по Волге протянулась некая соединительная полоса с долей горожан выше 40%, доходившая тогда до Куйбышева. На западе успехи урбанизации куда скромнее. Там находилась половина регионов, где горожане не составляли 20% населения, и тех, где не было больших городов-стотысячников — отчасти из-за военных потерь и разрушений, сильно задержавших рост городов в недавних прифронтовых и оккупированных зонах.

В 1997 г. доля городского населения в 64 регионах (из 91) превысила 60%, осталось всего пять случаев отсутствия больших городов. На фоне такой экспансии урбанизации пока что различимы ее старые очаги (Московский с окружением, Мурманский, Ленинградский, Киевский, Восточно-Украинский, Уральский) и более молодой Самарский. Заметно отстают отдельные «слабые» регионы России (вроде Коми-Пермяцкого округа), ее юг (Кавказ, Калмыкия), половина Украины и Молдова, сохранившие сельский характер; в четырех из них доля горожан, притом уже не растущая, осталась ниже 40%. Распределение жителей больших городов не просто уплотнилось. По сравнению с 1897 г. явно упала роль западных «ворот» (Петербурга, Риги, Одессы), усилились столичные и промышленные регионы. Тем не менее на карте видна большая западная дуга, идущая от Петербурга через Прибалтику, Минск и Киев на юг Украины и России. Оттуда на северо-восток, к Вол-

⁴ В 1897 г. последний составлял 21 тыс. человек, а большой город, по классификации В. П., начинался с 40 тысяч. К концу 1950-х гг. средний советский город насчитывал 49 (российский — 59) тыс. человек, и большими считались города людностью более 100 тыс., т. е. опять же те, что были почти вдвое крупнее. К моменту распада СССР его города имели в среднем 76, а города РСФСР — свыше 90 тыс. жителей; в дальнейшем у западных республик эта цифра немного снизилась (в России к 1999 г. до 87 тыс.). В связи с этим в качестве минимального размера больших городов взяты: 40 тыс. человек в 1897 г., 100 тыс. в 1951 г. и 150 тыс. в 1997 году.

ге и Уралу, тянется другая. Еще две полоски связывают их с центральнороссийским очагом: от Москвы на юг, к Донбассу и Ростову, и от нее же на восток вдоль Волги. А вот между столицами России по-прежнему присутствует зона своеобразного провала.

За столетие урбанизация не раз меняла расстановку сил, разрушала одни и создавала другие мегаструктуры, пусть не особенно устойчивые. А некоторые исходные региональные контрасты видны и теперь. Их можно измерить и с помощью стандартных коэффициентов вариации. Тогда получится, что вариация доли горожан на рассмотренной территории в середине XX века по сравнению с концом XIX выросла, а к 1997 г. резко, в несколько раз, упала, то есть урбанизация сперва поляризовала регионы по этому параметру, а затем стирала различия. Что касается населения больших городов, то контрасты продолжали нарастать и во второй половине столетия, хотя гораздо медленнее, чем в первой.

Трех лет явно недостаточно, чтобы выявить региональную специфику урбанизации. Следует проследить ее траектории (тренды) детальнее, с учетом прохождения характерных для этого процесса переломных точек, типичности или нетипичности урбанизационного поведения разных регионов и их групп на тех или иных этапах.

Типы урбанизации регионов Европейской России

ля сопоставления региональных трендов урбанизации особенно важна синхронность либо асинхронность урбанизационного перехода — одного из ключевых моментов процесса. Регионы, ставшие «городскими» одновременно, и потом, как правило, отличались сходной динамикой урбанизации. Именно этот признак, т. е. время упомянутого перехода, уместно положить в основу соответствующей типологии регионов современной Европейской России. Дополнительными, уточняющими места регионов и их групп внутри основных типов, будут урбанизированность в начале 1950-х гг. (как некий отправной, условно «начальный» результат) и в конце 1990-х (как максимальное достигнутое значение). Акцентирование внимания на этом отрезке объясняется тем, что урбанизационный переход у большинства регионов произошел именно во второй половине века. Впрочем, в тех случаях, когда это необходимо, можно рассмотреть и более ранние события.

Распределение регионов по времени урбанизационного перехода приведено в **табл. 2.5.1**. Теперь обратимся непосредственно к характеристике урбанизационных типов и их основных представителей (см. также карту и график, **рис. 2.5.4–2.5.5**).

1. Регионы с ранним урбанизационным переходом (до 1941 г.)

Первый тип составили самые урбанизированные регионы Европейской России, где процесс успел набрать значительные обороты и городское население превысило сельское еще в первой трети века или, во всяком случае, до Великой Отечественной войны. В начале 1950-х гг. их урбанизированность была максимальной (в среднем более 75%), после чего темпы ее роста закономерно уменьшались.

Табл. 2.5.1. Время урбанизационного перехода в регионах Европейской России

N п/п	Год(ы) урбанизационного перехода	Регионы
1	Не позднее 1897 г.	Ленинградская (с Санкт-Петербургом)*
2	Не позднее 1926 г.	Московская (с Москвой)*, Мурманская
3	Не позднее 1939 г.	Ивановская, Свердловская, Челябинская
4	Не позднее 1950 г.	Пермская, Самарская, Карелия
5	1952	Тульская, Ярославская, Астраханская, Саратовская, Сев. Осетия
6	1953	Владимирская, Ростовская
7	1956	Архангельская, Волгоградская
8	1957	Коми
9	1958	Нижегородская
10	1964	Удмуртия
11	1965	Тверская
12	1967	Кировская, Оренбургская
13	1968	Новгородская, Костромская
14	1969	Калужская, Ульяновская, Татарстан
15	1971	Кабардино-Балкария
16	1972	Вологодская, Смоленская, Башкирия
17	1973	Брянская, Рязанская
18	1975	Воронежская, Липецкая, Пензенская, Краснодарский край
19	1976	Псковская, Орловская, Марий-Эл
20	1977	Белгородская, Ставропольский край
21	1981	Тамбовская
22	1982	Курская
23	1983	Мордовия, Чувашия
24	1984	Адыгея
25	Переход до сих пор не состоялся	Дагестан, Карачаево-Черкесия, Калмыкия, Чечено-Ингушетия*

^{*} Чечено-Ингушетия рассматривается как единый регион, Московская и Ленинградская области — вместе с их центрами. Прочие основные (без автономных округов) российские регионы взяты в современных границах и для удобства везде именуются их нынешними названиями.

Стремительностью урбанизации выделяется Мурманская область. Основание в 1916 г. порта Романов-на-Мурмане (будущего Мурманска) оказалось достаточным импульсом для скорого вхождения этой малонаселенной территории в число городских. Доля горожан уже по переписи 1926 года превысила там 53%, а в начале 1960-х гг. она подошла к стадии урбанизационного насыщения. С той поры тенденция к росту сменилась балансированием вблизи 90-процентной отметки (в 1999 г. — 91,9%). Лидерство самого северного региона Европейской России по темпам урбанизации тесно связано с типичным для этих широт редкоочаговым расселением. Сельских поселений мало, сеть их редка, а вся расселенческая структура формируется городами и поселками — центрами добывающей промышленности и базами Северного флота.

Естественно присутствие среди наиболее урбанизированных регионов Московской и Ленинградской областей. Их «пристоличный» статус подразумевает такие факторы роста, как разнообразие видов деятельности, миграционная и инвестиционная притягательность, а динамика урбанизации в значительной мере определяется развитием центров-мегаполисов с крупнейшими агломерациями. «Завязанность» этих регионов на центры не меньше, чем у Мурманского, при всей разнице в масштабах, и в 1999 г. они почти не уступали ему по доле горожан: 91,3% (Московский) и 91,1% (Ленинградский). Урбанизационный переход у них произошел гораздо раньше, еще до революции (в Ленинградском регионе — даже в XIX в.), но темпы роста доли горожан на ранних этапах были ниже; все-таки сказалась большая численность сельского населения.

Между урбанизационными трендами самих столичных областей также есть разница: северная Ленинградская в этом отношении ближе к Мурманской. Уже к 1939 г. она перешла через порог в 80% городского населения. Московская же весь век ее догоняла и этой отметки достигла на двадцать лет позже, притом исключительно за счет расширения границ Москвы в 1960 г. Отсюда искусственный скачок за год на 4% (зависимость урбанизированности от такого рода административных действий характерна для регионов с большим удельным весом региональных центров). Затем, однако, Московская область сокращала отставание от Ленинградской за счет более быстрого, прежде всего миграционного, прироста горожан и в 1997 году наконец вышла вперед. Дольше сохранялась и инерция этого роста. Если у Ленинградского, как у большинства других регионов первого типа, стагнация наступила приблизительно в начале 1980-х гг., то у Московского — лишь десятилетие спустя.

Еще три области рано вышли в лидеры благодаря высокой индустриализированности. Две из них представляют Урал (Свердловская и Челябинская) и один — Европейский Центр (Ивановская). Урбанизационный переход в них зафиксирован несколько позже, в 1930-х гг., но доля горожан все равно превысила 70% у Свердловской и Челябинской областей через двадцать лет после перехода, а у Ивановской — через тридцать. Последняя, поначалу отставая от уральских по урбанизированности, опережала их по темпам роста и в середине 1970-х гг. сравнялась с Челябинской на отметке 80%. С этого времени дальнейший рост показателя там прекратился (у Челябинской области небольшой всплеск отмечен в 1991—94 гг.). Более динамично развивавшаяся Свердловская область продолжала наращивать долю горожан, остановившись только в начале

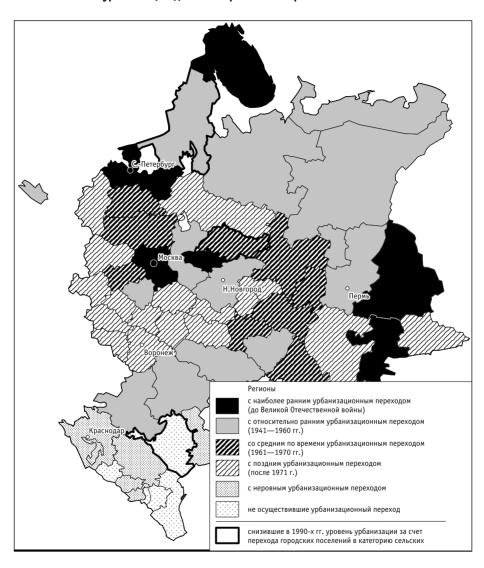

Рис. 2.5.4. Типы урбанизации динамики регионов Европейской России в XX веке

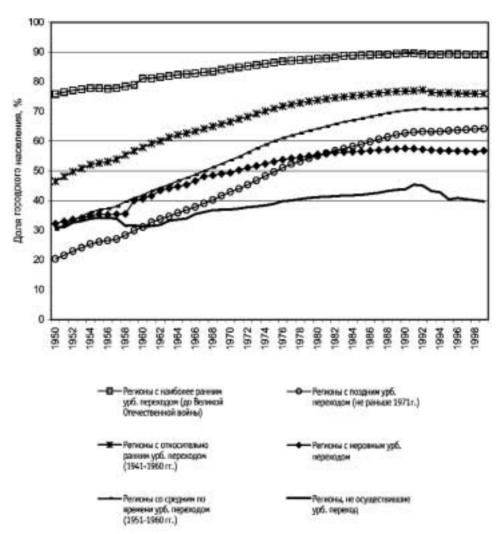

Рис. 2.5.5. Время урбанизационного перехода районов разных типов

1990-х гг. на уровне 87,5%. Взять высоту в 90% ей, видимо, уже не удастся, но у всех трех регионов она остается выше 80%.

2. Регионы с относительно ранним урбанизационным переходом (1941–1960 гг.)

Это тип с трендами, близкими к среднему по Европейской России. Урбанизационный переход у его представителей состоялся в 1940–50-х гг. — позже, чем у регионов предыдущего типа. Однако благодаря высоким темпам роста урбанизированности к 1980-м гг. (в отдельных случаях — к 1990-м) она вышла на уровень 75–80%.

В основном сюда попали индустриальные регионы Центра, Севера, Поволжья и Урала: географический охват данного типа весьма широк. Из областей Центральной России наиболее характерны Тульская и Ярославская, чью урбанизацию (как и в случае с близкой им Ивановской областью) предопределило раннее вступление на путь промышленного развития. Урбанизационный переход зафиксирован в первой половине 1950-х гг., рано наступила и стагнация: доля горожан стабилизировалась на уровне 80% в самом начале 1980-х. Кстати, одним из следствий «опережающей» урбанизации является наблюдаемое в последние годы снижение абсолютной численности горожан (еще более характерное для северных регионов, включая Мурманский). Их доля пока не проявляла тенденции к снижению, поскольку продолжало сокращаться и число сельских жителей, но предел урбанизированности виден, и в скором времени у регионов-лидеров может начаться его понижение.

По характеру тренда к названным центральнороссийским регионам близка Карелия, хотя у нее есть отличительные черты, например, фактическое отсутствие урбанизационного роста в 1950-х гг. Еще любопытнее другая: в 1993 г. на ровном фоне стабилизации доля горожан вдруг упала сразу на 8%, после чего продолжила стагнировать уже на новом уровне. Дело в том, что в том году целый ряд городских поселков Карелии административным путем перевели в категорию сельских поселений. И республика не уникальна, в начале 1990-х гг. по стране прокатилась мощная волна таких акций. Вскоре, с изменением экономической конъюнктуры, она заглохла, но там, где имел место чрезмерный ее размах (в том числе в Карелии), она успела заметно трансформировать урбанистическую структуру.

Тренды Пермской, Владимирской и Нижегородской областей наиболее эталонны, а владимирский почти копирует среднюю траекторию всей Европейской России. По своему урбанизационному поведению они отличаются от вышеупомянутых областей главным образом тем, что у них стабилизация доли городского населения вблизи отметки 80% наступила только в 1990-х гг.

Своеобразны Архангельская, Ростовская и Волгоградская области, где стабилизация доли горожан была зафиксирована в начале 1980-х гг. на уровне 70–75%, более низком, чем у прочих представителей второго типа. Две последних области отличала и менее плавная динамика урбанизации; она носила скорее ступенчатый характер, присущий многим южным регионам. В свою очередь, северную Архангельскую область

сближают с соседней Карелией крайне низкие темпы роста доли горожан в 1950-х гг., связанные со свертыванием системы ГУЛАГа после 1953 г. Третий из относящихся к данному типу регионов Севера — Республика Коми — неожиданно обнаружил сходство с Самарской и Саратовской областями Поволжья, где в середине 1950-х гг., используя заключенных, строили крупные гидроузлы, и урбанизация тоже шла по особому сценарию. Если в Архангельской области доля горожан в это время лишь замедляла темпы роста, то тут она даже уменьшалась — непродолжительно по времени, но довольно существенно по амплитуде.

3. Регионы со средним по времени урбанизационным переходом (1961–1970 гг.)

У регионов этого типа доля городского населения в начале 1950-х гг. составляла в среднем около 30%, а потом выросла за полвека примерно до 70%. Соответственно позднему урбанизационному переходу позже, в 90-х гг., наступила и стагнация, причем у Калужской, Тверской, Ульяновской областей доля горожан и к концу века окончательно еще не стабилизировалась, сохраняя тенденцию к росту.

Наивысшие темпы выказывали Татарстан и Калужская область, где доля городского населения достигла 74%. Чуть медленнее рост и скромнее итог (до 70%) у Новгородской, Тверской, Кировской, Костромской, Ульяновской областей и Удмуртии. Наименее типична Оренбургская область: по соотношению темпов на разных этапах она разительно отличалась от всех прочих. До 50-х гг. урбанизация протекала там почти с той же скоростью, что в регионах первых двух типов с ранним урбанизационным переходом, но затем наступил резкий перелом: рост стал даже более медленным, чем у остальных регионов ее типа. К середине 1980-х гг. область смогла увеличить свою урбанизированность лишь до 65%, и это значение оказалось ее пределом.

Костромская область, как и Карелия, испытала на себе влияние административного «разжалования» городских поселений в сельские. Результатом явилось скачкообразное снижение доли горожан в 1993 году на 3%.

4. Регионы с поздним урбанизационным переходом (не раньше 1971 г.)

Среди многочисленных представителей этого типа уже немало аграрных регионов Центрально-Черноземного, южной части Центрального районов, но много и нечерноземных, отставших по развитию городов от своих соседей. Помимо позднего урбанизационного перехода их объединяют высокие темпы урбанизации — максимальные среди всех типов. Примерная общая схема такова: в 1950-х г. доля горожан не выше 20%,

⁵ По современным данным (Население России в XX веке, 2000, с. 312–313, 360–361), к 1939 г. из 1,3 млн советских заключенных более 300 тысяч (24%) находились на Европейском Севере и 230 тыс. (17%) — на Волге, Каме и Урале. Довоенная перепись занизила население за счет «спецконтингентов» на 3–5% в Архангельской области, на 12% в Карелии, почти на 23% в Коми. Система лагерей влияла на городские поселения, на которые так или иначе опирались их организация, снабжение, переработка добываемого сырья. После смерти Сталина, массовых амнистий и реабилитаций центры основных районов ГУЛАГа пережили своеобразный шок.

в 1990-х — уже около 60%, иногда до 65–70%. Исключение составили Башкирия, Брянская, Вологодская и Пензенская области, у которых при более ранней урбанизации начальные значения были повыше и колебались в диапазоне 25–30%. Стагнация в основном наступила в 1990-х гг., но в этом отношении исключением явилась Орловская область, достигшая своего урбанизационного предела на десять лет раньше прочих.

Поскольку данный тип — самый представительный, а урбанизационные тренды большинства его регионов довольно однообразны, нет смысла подробно останавливаться на каждом из них. Стоит отметить лишь те немногие регионы, которые проявили в своем развитии какие-либо нестандартные тенденции.

Такова Адыгея — регион, позже всех перешедший через 50-процентную черту. Это случилось в 1984 году, с тех пор новых «городских» регионов в Европейской России вообще не появлялось. Естественно, что достигнутый уровень урбанизированности у нее один из самых небольших (менее 55%). Урбанизационный ход ее весьма неровен, так что по многим параметрам (включая и географическое положение) республика тяготеет к регионам пятого типа, который будет рассмотрен ниже, но вместе с тем он все-таки более традиционен.

Для Пензенской области характерно довольно сумбурное протекание урбанизации в 1980-х гг., когда до тех пор ровный рост осложнился заметными флуктуациями. В 90-х гг. такой характер у ее кривой сохранился, причем — и в этом состоит другая особенность региона — продолжился рост (хотя налицо его замедление), так что о стагнации говорить пока нельзя. В этом отношении к Пензенской области близки как черноземные Белгородская, Курская и Тамбовская, так и более северные Вологодская и Псковская, где доля горожан также продолжает понемногу увеличиваться.

5. Регионы с неровным урбанизационным переходом

Этот тип наиболее своеобразен и одновременно «географически компактен» — почти все его представители (кроме Астраханской области) расположены на территории Северо-Кавказского экономического района.

Своеобразие пятого типа заключается в том, что объединяющим признаком для его регионов стало не время урбанизационного перехода, как у всех остальных (оно как раз сильно разнится — от начала 1950-х до конца 70-х гг.). В первую очередь их роднит то, что ход урбанизации и, в частности, рост доли горожан практически на всем протяжении рассматриваемого периода был крайне неровным и сопровождался многочисленными флуктуациями, резкими перепадами. Их происхождение по большей части индивидуально и не объяснимо какими-либо общими закономерностями. Этапы урбанизации у данного типа также отличны от обычных для Европейской России: с 1950-х гг. шло довольно ровное урбанизационное развитие с очень небольшими темпами роста, затем (у разных регионов в разное время) наблюдался резкий переход на новый уровень и далее — длительная стагнация уже до самого конца столетия.

Есть и другое обстоятельство, объединяющее регионы пятого типа. Если отвлечься от доли горожан и обратить внимание на динамику абсолютных величин компонентов населения, то бросается в глаза, что у всех этих регионов численность сельского населения росла либо держалась примерно на одном уровне. В большинстве других регионов она, наоборот, снижалась, причем существенно (см. главы третьей части).

Раньше всех — еще в 1952 г. — «городскими» стали Астраханская область и Северная Осетия. Ими же в середине 1970-х гг. был достигнут максимальный для данного типа уровень урбанизированности — 67–68%. И именно в этих регионах рост сельского населения, характерный для типа в целом, был наименее выражен. Сходство определяется общими чертами расселенческой структуры Астраханской области и Северной Осетии. В обоих регионах тон урбанизации задают их центры, сосредоточивших практически одинаковый процент населения: 47 и 49% всех жителей, 70 и 71% горожан. Такая зависимость региона от одного главенствующего города провоцирует во многом случайный характер урбанизационного перехода, а образование каждого нового города существенно влияет на всю урбанистическую структуру (нечто подобное, только в большем масштабе и не всегда в столь отчетливой форме, наблюдалось в случаях с другими моноцентричными областями: Московской, Ленинградской и Мурманской).

Говоря о Северной Осетии, надо отметить и такую индивидуальную особенность ее урбанизационного тренда, как отмеченный в 1993 г. резкий скачок на 8% доли городского населения. Причина, конечно, в наплыве во Владикавказ и другие города республики беженцев из Южной Осетии, где в то время обострился осетино-грузинский конфликт.

По характеру тренда к Астраханской области и Северной Осетии близка Кабардино-Балкария, но ее урбанизированность на всех этапах была ниже на 10–15%. Урбанизационный переход произошел там только в 1971 г. Еще слабее урбанизированы Краснодарский и Ставропольский края. Их нынешний «потолок» — 53–54% городского населения, а 50-процентный рубеж они миновали только в 1975 и 1977 годах соответственно.

6. Регионы, не осуществившие урбанизационный переход

На территории Европейской России остаются четыре региона, где горожане до сих пор составляют менее половины населения. Это Карачаево-Черкесия, Дагестан, Чечено-Ингушетия и Калмыкия. Почти все они, как и регионы предыдущего типа, относятся к Северному Кавказу, наименее урбанизированному из экономических районов Европейской России. Исключение составляет Калмыкия, но и она, формально входя в Поволжский район, по многим параметрам тяготеет скорее к Северо-Кавказскому.

Одно из следствий незавершенности урбанизации — чрезвычайная замысловатость урбанизационных кривых, каковые у данного типа еще сложнее, чем у предыдущего. В этом отношении резко выделяется Чечено-Ингушетия, где ход процесса особенно далек от среднероссийской схемы. Здесь имелись два всплеска — в 1950-х и 1990-х гг., между которыми наблюдался продолжительный период стагнации на уровне 40%, а во второй половине 90-х гг. последовал беспрецедентно резкий урбанизаци-

онный спад. Последнее, впрочем, относится уже к периоду «смуты» в республике: ее раздела, двух войн и фактической независимости Чечни, когда она выпала из правового, экономического, политического, а также из статистического поля России. Поэтому все данные по ней за 1990-е гг. (да и по Ингушетии с ее до сих пор не уточненными границами) носят сугубо оценочный характер. Однако эти новейшие события не объясняют всей необычности чечено-ингушского тренда в более ранний период.

Траектории трех других преимущественно сельских регионов все-таки отдаленно напоминают урбанизацию регионов пятого типа, но это сходство гасится флуктуациями, выраженными в еще большей степени. Кроме того, в Калмыкии в 1992 г. наблюдался резкий спад численности и доли городского населения, сменившийся через два года ростом. Это еще один регион Европейской России (наряду с Карелией и Костромской областью), на котором сказались последствия политики перевода городских поселений в разряд сельских. Но здесь они стали особенно разрушительными для структуры расселения. Так, из шести пгт, наличествовавших в Калмыкии в 1991 г., к середине десятилетия не осталось ни одного.

Таким образом, проведенная типология подтверждает тезис о сохранении, а порой и об усилении различий в ходе выравнивавшей их количественные параметры (прежде всего долю горожан) урбанизации. Даже если высокие темпы «догоняющих» регионов позволяли им приблизиться к уровню лидеров, что и доказали многие представители второго и отчасти третьего типов, это могло происходить по-разному, с характерными для отдельных регионов и их групп отклонениями от «стандарта». Тем более это касается регионов, которые, судя по их траекториям, не могли или не особенно стремились следовать за лидерами, во всяком случае не дублировали их трендов. Таковы представители последних из выделенных типов. Можно также отметить, что различия в ходе урбанизации часто носили макрорегиональный и макрозональный характер, разводя в разные стороны, к примеру, регионы Европейского Севера, Юга и условной Средней полосы.

Все это, впрочем, не означает, что урбанизация большинства территорий Европейской России совершенно уникальна (в этом случае лишается смысла любая типология). Напротив, повторим еще раз, что отклонения от средней траектории не отменяют ее существования, тем более, что есть немало регионов со сходным и почти одинаковым характером урбанизации.

Основные стадии урбанизации России и ее районов можно также попытаться интерпретировать с помощью универсальных, пригодных для многих стран и континентов эволюционных теорий, моделей и схем. Но это уже тема следующей главы.